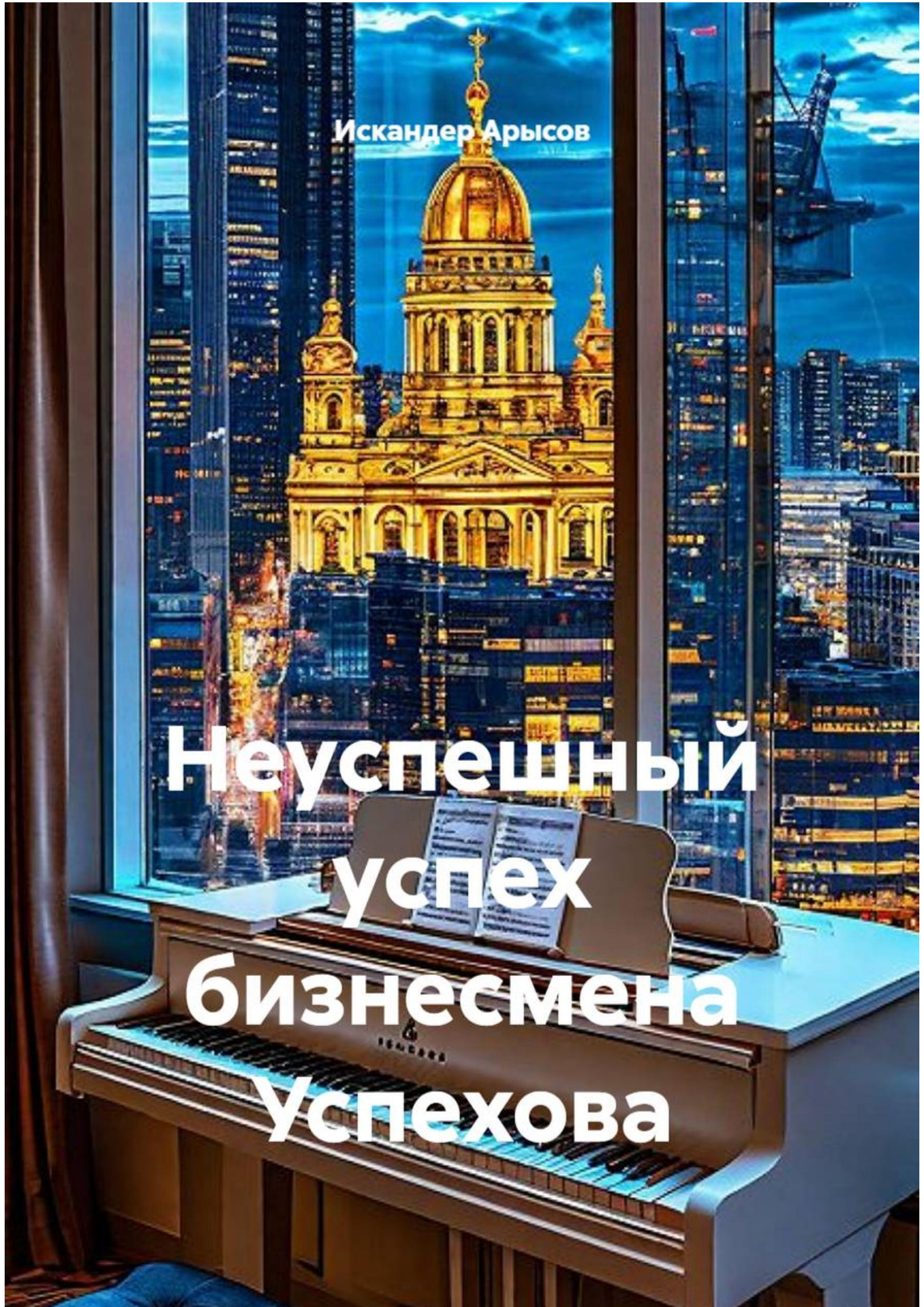

The image shows a white grand piano in the foreground, with sheet music on the stand. Behind it is a large window offering a panoramic view of a city at night. The city is filled with illuminated skyscrapers. In the center of the view, a large, ornate cathedral with a prominent golden dome and multiple spires is brightly lit, standing out against the dark night sky. The overall atmosphere is one of sophisticated urban elegance.

Искандер Арысов

Неуспешный успех бизнесмена Успехова

Искандер Арысов

**Неуспешный успех
бизнесмена Успехова**

«Автор»

2026

Арысов И.

Неуспешный успех бизнесмена Успехова / И. Арысов — «Автор», 2026

Орфей Успехов — владелец трёх компаний, квартиры в «Москва-Сити» и «Мерседеса». В двадцать восемь лет у него есть всё, что предписывает культ успеха. Кроме одного — счастья. Выпускник консерватории, когда-то прозванный «Соловьём» за тонкий слух, он десять лет строил империю из цифр и контрактов, забыв о музыке. И вот, достигнув вершины, он вдруг понимает: там пусто. На него наваливается «русская хандра», и Орфей останавливается. Он встречает друзей по консерватории, которые живут бедно, но счастливо. Он начинает собирать таких же, как он, — молодых богатых бизнесменов, которые тоже потеряли себя в погоне за успехом. Они приходят в созданный им клуб «Соловей», чтобы слушать музыку и искать ответы на вопросы, на которые деньги не отвечают. Это роман о том, как погоня за успехом делает людей несчастными. О том, что призвание важнее статуса. О том, что служение чему-то большему, чем ты сам, возвращает смысл жизни. И о том, как музыка может спасти от пустоты — если её услышать.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Неуспешный успех бизнесмена Успехова

Глава 1. О том, как Соловей перестал петь и что из этого вышло

В семь часов утра в квартире на сорок третьем этаже башни «Москва-Сити» было тихо. Тишина эта была плотной, как желе, потому что стеклопакеты были немецкие, тройные, с аргоновым наполнением и системой шумопоглощения класса А+, и звуки мира — гул машин на ТТК, ветер, задувающий в стыки между небоскребами, крики чаек над Москвой-рекой, которую чайки почему-то любили, хотя вода там была техническая, — не проникали внутрь. Зато внутрь проникал свет. Московское утро в августе было желтым, пыльным, настойчивым, и он заливал гостиную в пятьдесят два квадратных метра, в которой из мебели стояли только два предмета: белый рояль «Steinway & Sons» модели D-274, купленный три года назад за одиннадцать миллионов рублей в салоне на Кутузовском, и кожаный диван итальянского производства цвета мокко, за который Орфей Успехов отдал полтора миллиона, потому что консультант в салоне сказал, что эта кожа называется «натуральная анатомическая» и на ней отдыхает нервная система.

На этом диване и сидел Орфей Успехов, когда часы на тумбочке — тумбочки в гостиной не было, часы лежали прямо на паркете, потому что Орфей не успел купить тумбочку, а может, и не хотел, — показали семь утра. Он сидел в позе, которую его покойный дед называл бы «поджав ноги», но дед умер, когда Орфею было десять, и дед был простым инженером на заводе имени Лихачева, он чинил станки и по воскресеньям пил водку с коллегами и пел песни про Волгу. Дед называл Орфея «соловьем» еще до того, как эта кличка перешла в бизнес-среду. «Соловей ты мой», — говорил дед, когда маленький Орфей садился за пианино, которое стояло в коммунальной квартире на Пресне, и начинал подбирать мелодии по слуху. Дед не знал, что пройдет двадцать лет и его внук станет владельцем трех компаний, а кличка «Соловей» будет означать не пение, а способность красиво убеждать оптовых покупателей повышать закупочные цены.

Орфей сидел на итальянском диване из анатомической кожи, и в голове его не было мыслей. Там была пустота. Такой пустоты он не помнил с детства, потому что в детстве голова всегда была занята гаммами, упражнениями, сонатами, потом в юности — кредитами, бизнес-планами, сметами, договорами, логистикой, кадрами, налогами, оптимизацией, реструктуризацией, переговорами, и всегда в голове что-то вертелось, жужжало, стучало, как в цеху, где работал дед. А теперь не стучало. Тишина в голове была даже плотнее, чем тишина за стеклопакетами. И Орфей испугался этой тишины больше, чем когда-то боялся банкротства в двадцать три года, когда его первая компания по продаже китайских телефонов чуть не лопнула из-за того, что поставщик прислал партию бракованных аккумуляторов, и они взрывались в карманах у клиентов, и три клиента подали в суд, и адвокат сказал, что дело проигрышное, и Орфей не спал три ночи, считая убытки и прикидывая, сколько лет ему придется выплачивать компенсации, если он не найдет выход. Тогда он нашел выход: он сам полетел в Гуанчжоу, сидел в офисе поставщика три дня, пил с ними зеленый чай и убеждал, что они должны заменить всю партию за свой счет, иначе он опубликует результаты независимой экспертизы в китайских деловых СМИ, и их репутация рухнет. Поставщик испугался и заменил. Тогда Орфей понял, что главное в бизнесе — не страх, а умение делать страшно другим. И с тех пор он шел по этому пути: находил точки страха партнеров, жал на них, как на клавиши, и извлекал из этого прибыль. Как из рояля извлекают звуки, если правильно нажать.

Но сейчас он сидел и смотрел на рояль. Рояль стоял в углу гостиной, на специальном ковре, который тоже был куплен в итальянском салоне, ковер назывался «акустический», он должен был улучшать звук. Но звука не было. Орфей не играл на рояле ни разу за три года.

Он купил его в порыве ностальгии, когда закрыл сделку по слиянию с одним крупным логистическим оператором. Сделка принесла ему двести миллионов чистой прибыли, и он решил: «Теперь я могу вернуться». Вернуться к тому, что было. Он поехал в салон, выбрал самый лучший рояль, белый, потому что белый символизировал чистоту, заплатил, и рояль привезли. Грузчики внесли его в гостиную, поставили, ушли. Орфей сел за него в тот вечер, поднял крышку, коснулся клавиш — и не нажал. Руки не послушались. Пальцы, которые когда-то брали самые сложные пассажи Рахманинова, теперь были заняты другим: они нажимали кнопки в телефоне, писали письма партнерам, перебирали бумаги, сжимали ручку, ставили подписи. Они отвыкли от клавиш. И Орфей испугался этого тоже. Он испугался, что если он нажмет, то услышит фальшь. Не рояль фальшивил — он был идеально настроен, мастер приходил раз в полгода и проверял строй. Фальшивить могли руки. Они забыли, каково это — извлекать музыку из материи. Они умели только извлекать деньги. И деньги, в отличие от музыки, не требуют души. И поэтому Орфей закрыл крышку и не играл. Три года. Тысячу девятьсот восемьдесят семь дней, если считать с того вечера, когда он в последний раз прикоснулся к клавишам — тогда он все-таки нажал одну клавишу, «до» первой октавы, просто проверить, работает ли, и звук был чистым и сильным, и этот звук ударил его в грудь, и он испугался, что заплачет, поэтому закрыл рояль и пошел смотреть отчеты по квартальной прибыли, которые ждали его на столе.

В семь утра он смотрел на рояль и думал о том, что ему тридцать лет. Нет, двадцать восемь. Но психологи, которых он начал нанимать в последнее время — он нанял уже троих, разных, все кандидаты наук, с публикациями в западных журналах, — говорили, что у него кризис среднего возраста. Орфей смеялся, когда впервые услышал это: какой средний возраст в двадцать восемь? Но психологи объясняли: средний возраст теперь не по паспорту, а по накопленной усталости. Если человек в двадцать лет начал работать по шестнадцать часов, спал по четыре, ел на бегу, не видел друзей, не слышал музыки, не любил нормально — только деловые встречи и краткосрочные романы с моделями, которые сами подходили к нему в ресторанах, потому что он хорошо выглядел и пах дорогим одеколоном, — то к двадцати восьми он проживает сорок пять. И в этом возрасте наступает момент, когда ты оглядываешься назад и видишь: позади — пустая дорога, впереди — тоже пустая, и только под ногами — деньги, как сухие листья, которые шуршат, но не греют.

Орфей встал с дивана, прошел на кухню. Кухня была совмещена с гостиной, потому что в современных планировках так модно. Кухня стоила шесть миллионов — немецкий гарнитур, итальянский мрамор на столешнице, встроенная кофемашина за пятьсот тысяч, холодильник с системой «No Frost» и дисплеем, на котором можно было смотреть новости. Орфей нажал кнопку кофемашины. Машина зажужжала, перемолола зерна, сварила эспрессо. Он взял чашку — фарфоровую, ручной работы, из Лиможа — и вышел на балкон. Балкон был застекленный, панорамный, с видом на город. Москва лежала внизу, как карта, которую расстелили на столе, и по карте ползали маленькие машины, как жуки. Орфей смотрел на них и думал: каждый из этих жуков везет человека. Каждый человек куда-то едет. И почти каждый из них думает, что если он доедет до какого-то места, то станет счастливым. И Орфей Успехов тоже так думал, когда ехал в этих жуках. В девятнадцать лет он ехал на метро, в переполненном вагоне, и думал: «Вот если я куплю машину». В двадцать два он купил первую машину — поддержанную «Тойоту» за триста тысяч, и думал: «Вот если я куплю новую». В двадцать четыре он купил «БМВ Х5» в кредит и думал: «Вот если я куплю «Мерседес»». В двадцать шесть он купил «Мерседес S-класса» за наличные и думал: «Вот если я куплю «Порше»». Но «Порше» он не купил. Потому что в двадцать семь он понял, что машины не делают его счастливым. Он понял это, когда ехал в «Мерседесе» с дядей Мишей и смотрел в окно на дворника, который подметал улицу. Дворник был старый, в оранжевом жилете, и он улыбался чему-то, может быть, солнцу, а может быть, просто тому, что живет. И Орфей позавидовал дворнику. Он позавидовал ему

так сильно, что приказал дяде Мише остановиться, вышел из машины, подошел к дворнику и спросил, о чем тот думает. Дворник удивился, но ответил: «Думаю, что сейчас метлу поменяю, она уже износилась, а новая в подсобке лежит, я ее с утра припас». И Орфей понял, что дворник счастлив потому, что у него есть цель — поменять метлу. А у Орфея целей не было. Были цифры в отчетах, которые росли, но они не были целями. Они были как показатели температуры — если они растут, ты жив, если падают — умираешь, но сама температура не есть жизнь.

Орфей выпил эспresso, поставил чашку на мраморную столешницу и пошел одеваться. Сегодня он решил встретиться с друзьями из консерватории. Он не видел их полгода, с того дня, когда они собирались в маленьком баре на Патриарших, и он тогда же опоздал на час, потому что у него были переговоры с китайскими партнерами. Он приехал, когда ребята уже допивали второе пиво. Алиса посмотрела на него своими большими глазами, в которых была такая же боль, как у него сейчас, но другого рода, — боль от того, что он ушел, от того, что он предал их общее дело. Он тогда сказал: «Простите, я занят». Алиса ничего не ответила, только опустила глаза. А Миша Коган сказал: «Занят? Ты когда-нибудь будешь свободен?» Орфей не ответил. Он думал, что будет свободен, когда заработает первый миллиард. Потом — когда откроет офис в Лондоне. Потом — когда купит ту самую квартиру в «Москва-Сити». И вот он купил квартиру, открыл офис в Лондоне, до миллиарда осталось чуть больше трехсот миллионов, но свободы не было. Вместо свободы была пустота, которая сидела в груди и не давала дышать. И сейчас он ехал в том самом «Мерседесе», с дядей Мишей за рулем, и думал о том, что сегодня он скажет ребятам правду. Не ту деловую правду, которую он говорил партнерам — «ваши условия нас устраивают, мы готовы подписать контракт», — а настоящую. Ту, которую он сам от себя прятал последние десять лет.

— Дядя Миша, — сказал Орфей, когда они выехали на Тверскую. — Вы когда-нибудь были несчастны?

Дядя Миша посмотрел на него в зеркало заднего вида. У дяди Миши было лицо человека, который видел всякое: он работал в такси в девяностые, возил бандитов, потом возил чиновников, потом устроился к Орфею, потому что Орфей платил в два раза больше и не пил на работе. Дядя Миша подумал и ответил:

— Я был несчастен, когда жена ушла. В девяносто четвертом. Она сказала, что я мало зарабатываю. У меня тогда были «Жигули», пятая модель. Я думал, что если у меня будут другие машины, она вернется. Она не вернулась.

— А сейчас вы счастливы? — спросил Орфей.

Дядя Миша опять посмотрел в зеркало. Его глаза были спокойными.

— Сейчас у меня новая жена. Она не говорит о деньгах. Я ее люблю. И у меня есть вы, Орфей Аркадьевич. Вы хороший начальник. Я счастлив.

Орфей хотел сказать: «Я не хороший начальник, я просто плачу вам больше, чем другие, потому что могу себе это позволить». Но он не сказал. Он подумал о том, что дядя Миша счастлив потому, что у него есть жена, которую он любит, и работа, которую он делает, и даже «Жигули» в прошлом не делают его несчастным. А у Орфея нет жены. Были девушки, но все они уходили, потому что Орфей отменял свидания из-за переговоров, или забывал дни рождения, или покупал подарки, которые выбирал его секретарь, потому что у него не было времени выбирать самому. И девушки говорили: «Ты холодный». И они были правы. Он был холодным, как тройной стеклопакет с аргоном. Сквозь него не проходил никакой звук извне.

Бар на Патриарших назывался «У Гоши». Гоша был бывший музыкант, он играл на саксофоне в джаз-банде, а потом открыл бар, чтобы было, где собираться своим. В баре было темно, пахло деревом и жареным луком. За столиком в углу сидели трое: Миша Коган, Сережа Бортников и Алиса. Они уже пили пиво, но не второе, а первое, потому что Орфей позвонил и сказал, что будет вовремя. И он действительно был вовремя — впервые за много лет. Он вошел в бар, и все повернули головы, потому что он был одет в пиджак из шерстяной ткани, который

стоил как годовая зарплата дирижера провинциального театра. Миша Коган, как всегда, смотрел с легкой печалью, как смотрят на памятник. У Миши были длинные пальцы, пальцы скрипача, и он постоянно что-то перебирал в воздухе, как будто играл невидимую гамму. Алиса улыбнулась, но улыбка была грустной. Сережа Бортников поправил очки — очки были дешевые, в металлической оправе, одна дужка была обмотана изолентой.

— Ну, ты даешь, Соловей, — сказал Миша. — Говорят, ты «Феррари» купил?

— Не купил, — ответил Орфей. Он сел на деревянный стул, который скрипнул под его весом. — У меня «Мерседес». Я тебе уже говорил.

— А я вчера на метро ехал, — сказал Миша. — Там женщина с корзиной, в ней кот. Кот орал. Я думаю: хорошо, что ты не слышишь, ты бы с ума сошел, потому что ты же слышишь все. Ты же Соловей.

— Я слышу, — тихо сказал Орфей. — Я все слышу. Но я не слышу главного.

Он помолчал. В баре играла музыка — какой-то джаз, плохо записанный, с хрипами. Орфей услышал фальшивую ноту в третьем такте, там, где саксофон брал высокое «соль» и не дотягивал на четверть тона. Он всегда слышал фальшивые ноты. Это было его проклятием — в бизнесе он не слышал фальши, потому что там все было фальшиво, и это считалось нормой. Там были фальшивые обещания, фальшивые отчеты, фальшивые комплименты партнерам, и все это называлось «дипломатией» или «деловым этикетом». А тут, в этой жизни, где кот орал в метро, а женщина несла его в корзине, фальшь резала слух. Потому что в музыке не бывает дипломатии. Там есть только чистый звук или грязь.

Алиса смотрела на него. Она была тонкая, как скрипичный смычок, темные волосы заплетены в косу, на шее — серебряный кулон в форме ноты. Она преподавала сольфеджио в музыкальной школе для одаренных детей и жила с мамой. Она не была богата, но ее глаза светились тем, чего у Орфея не было.

— Ты успешен, — сказал Сережа Бортников, поправляя очки с изолентой. — Ты богат. У тебя все есть. Чего ты хочешь-то?

Орфей хотел сказать: «Я хочу играть». Но вместо этого сказал:

— Я хочу, чтобы мой отдел логистики работал без сбоев. Вчера они опять перепутали поставки, и у меня убыток три миллиона. И еще я хочу, чтобы новый проект по облачным серверам начал приносить прибыль, а не просто пылиться. И еще я хочу, чтобы тот парень, который отвечает за закупки, перестал брать откаты, потому что я знаю, что он берет, но не могу его уволить, потому что он единственный, кто знает всех китайских поставщиков в лицо.

Миша и Сережа переглянулись. Алиса молчала. Она взяла его руку — так же, как тогда, полгода назад. Рука была теплой, с чернилами от нотных тетрадей под ногтями, и от нее пахло канифолью. Орфей вздрогнул от этого прикосновения, потому что оно напомнило ему о том, чего он лишился.

— Орфей, — сказала она тихо. — Ты вчера ночью звонил мне. В три часа. Ты плакал.

— Я не плакал, — сказал Орфей. — У меня аллергия. Кондиционер.

— Ты сказал: «Я больше не слышу музыки. Я слышу только цифры». Ты сказал это слово в слово. Я записала, потому что испугалась.

Орфей отдернул руку, как будто обжегся. Ему стало душно в этом баре, хотя кондиционер работал на полную мощность. Он посмотрел на друзей. Миша Коган — седой уже в тридцать два, потому что в оркестре тяжелый график, и нервы ни к черту. Сережа Бортников — вечно в поношенном свитере, потому что на дирижерскую зарплату не купишь новый. Алиса — с кругами под глазами от бессонных ночей проверки тетрадей с сольфеджио. Они были бедные, немодные, с потрепанными пальцами, уставшие, но в них была та самая жизнь, которой не было в Орфее. У них за плечами стоял Чайковский, Рахманинов и Шостакович. За плечами Орфея стояли контракты, кредитные линии, китайские поставщики и три компании, которые работали как часы, но эти часы не показывали времени — только количество денег,

и это количество росло, но время для Орфея Успехова остановилось где-то на втором курсе консерватории.

И тут он понял. Он понял это ясно и отчетливо, как слышит фальшивую ноту. Он потратил десять лет — с восемнадцати до двадцати восьми — на то, чтобы построить себе пьедестал из денег, из контрактов, из отчетов, из квартальных премий, из похвал партнеров и зависти конкурентов. И теперь стоял на этом пьедестале, и вокруг была пустота. Рояль стоял в пустой гостиной, и никто на нем не играл. Потому что играть было некому. Тот мальчик, который брал аккорды и подбирал мелодии по слуху в коммуналке на Пресне, умер где-то на втором курсе, когда Орфей понял, что его однокурсник Вася Петров играет лучше, а Вася Петров живет в коммуналке на окраине и ест гречку с тушенкой, и никогда не будет иметь денег, но будет иметь музыку. Орфей не хотел есть гречку. Он хотел есть стейки из мраморной говядины в ресторанах, куда не пускают без пиджака. И он начал торговать — сначала телефонами, потом металлом, потом облачными сервисами. И он добился. Он добился всего, чего хотел. Но в тот момент, когда он это понял, он понял и другое: он хотел не того. Он хотел не денег. Он хотел признания. Он хотел, чтобы его увидели. Но теперь, когда его увидели все, — в бизнес-журналах писали, на форумах приглашали выступать, молодые предприниматели просили автографы, — он понял, что его видели не того. Видели Орфея Успехова, владельца компаний. А не Орфея Успехова, музыканта. И настоящий Орфей — тот, что играл Шопена и мечтал о «Лунной сонате» — остался невидимым, как дворник в оранжевом жилете, только тот хотя бы улыбался солнцу.

— Ребята, — сказал Орфей. — Я хочу вам помочь. И не только вам.

Миша Коган поперхнулся пивом. Он закашлялся, постучал себя по груди, потом вытер губы салфеткой.

— Помочь? С чем? Нам деньги не нужны. Если ты хочешь дать нам денег — не надо. Мы не для этого здесь.

— Я не про деньги, — сказал Орфей. — Я про другое. Я хочу, чтобы вы поняли. Чтобы все поняли. Успех — это не то. Это не то, что нужно. Я добрался. Я на вершине. И здесь пусто. Я там стою один. И ветер дует. Холодный. И некуда идти, потому что вниз — страшно, а вверх — некуда, я уже на самом верху.

Сережа Бортников снял очки и протер их салфеткой. Потом снова надел. Дужка с изолентой отвалилась, и он приладил ее обратно, нажав пальцем. Это движение было привычным, он делал его каждый день, потому что очки держались на честном слове.

— Слушай, Орфей. Ты богатый. Тебе доступно многое. Может, у тебя просто... депрессия? Съезди на Бали? Пожри этих... фруктов? Заведи девушку. Ну, серьезно, ты чего?

— Я говорю серьезно, — сказал Орфей. Голос его стал тверже. — Я хочу встречаться с молодыми бизнесменами. С такими, как я. И говорить им правду. Что деньги не делают счастливыми. Что статус — это клетка. Что они тратят лучшие годы на то, что не имеет значения. А потом просыпаются в сорок лет — нет, в двадцать восемь, как я, — и понимают, что они ничего не оставили после себя. Ни одной ноты. Ни одной мелодии. Только цифры в банке.

Друзья переглянулись. Миша покрутил пальцем у виска — привычный жест скрипача, когда он хотел показать, что кто-то играет не в той тональности. Алиса вздохнула глубоко, как перед долгой фразой.

— Орфей, — сказала она мягко, но твердо. — Они подумают, что ты сбрендил. Ты Соловей. Ты их кумир. Они хотят быть как ты. Они читают статьи про тебя, смотрят твои интервью, где ты говоришь, что «успех — это результат системного подхода и дисциплины». И если ты им скажешь, что успех — это пустота, они решат, что ты просто... чудишь. Или хочешь отбить у них клиентов. Или что тебя наняли конкуренты, чтобы отпугнуть молодежь от бизнеса.

— Но это правда! — закричал Орфей. Так громко, что соседний столик оглянулся. Там сидели двое — мужчина и женщина, они пили мартини и разговаривали о кредитах. Мужчина

посмотрел на Орфея и покачал головой: мол, опять богатые чудачки. Орфей не обратил внимания. Он встал из-за стола, оперся руками о деревянную столешницу, и его голос задрожал.

— Я десять лет вкалывал. Я не спал. Я не играл. Я забыл, как звучит «Лунная соната». А сейчас я сижу на сорок третьем этаже и смотрю на рояль, который стоит как памятник. Памятник моему предательству. Памятник тому, что я предал самого себя. И я хочу предупредить других. Пока не поздно. Пока они еще не купили эту квартиру, эту машину, этот статус. Пока они еще могут повернуть.

В баре повисла тишина. Даже саксофон в колонках замолк — может быть, кончилась запись, а может быть, Гоша специально сделал погромче паузу. Миша Коган медленно допил пиво, поставил кружку на стол и сказал:

— Знаешь, в оркестре у нас есть один альтист. Его зовут Дмитрий Леонидович. Он играет в Большом театре уже двадцать пять лет. Получает копейки. Живет в общежитии для артистов. И он все время говорит, что жизнь не удалась. Потому что он хотел быть солистом, а стал альтистом. И его сын — бизнесмен. Сыну тридцать два. У сына «Лексус», квартира на Патриарших, своя сеть кофеен. И альтист думает, что сын — счастливчик. Что сын добился всего. А сын вчера повесился в своем «Лексусе». Прямо в гараже, в подземном паркинге. Жена нашла. Говорят, в записке написал одну строчку. Он написал: «Я больше не слышу, как дышит скрипка».

Миша договорил и замолчал. Его глаза стали влажными, но он быстро моргнул и отвернулся к стенке. Орфей смотрел на него. И вдруг ему стало страшно. Не от того, что он потеряет деньги или дело. Деньги были, и дело было, и компании работали, и все было хорошо снаружи. Страшно стало оттого, что он понял: он не один. Таких, как он, — много. Они строят свои империи из картона, из отчетов, из контрактов, из кредитных линий, а внутри — пустота. И они едут на «Мерседесах» и «Лексусах» с зажмуренными глазами, потому что боятся открыть их и увидеть, что дорога ведет в никуда. Они слушают не музыку, а шум двигателя. И они не слышат, как дышит скрипка. Потому что скрипка дышит только тогда, когда на ней играют. А они забыли, как это делается.

Орфей медленно сел обратно на стул. Стул скрипнул, но теперь это был другой скрип — жалобный, будто он тоже сочувствовал. Орфей положил руки на стол. Руки были холеными, с дорогим маникюром, который делали в салоне на Тверской два раза в месяц, без мозолей, без следов тяжелой работы. Руки начальника. Не музыканта.

Он посмотрел на Мишу, потом на Сережу, потом на Алису. Алиса плакала. Она плакала беззвучно, слезы текли по щекам, и она их не вытирала.

— Я знал этого парня, — сказал Орфей. — Сына альтиста. Мы пересекались на одном форуме. Меня пригласили как спикера, его — как успешного владельца кофеен. Он подошел ко мне после выступления и сказал: «Орфей Аркадьевич, я хочу быть как вы». Я ему ответил: «Ты уже. Ты уже как я. У тебя все есть». А он сказал: «Нет, у меня нет того блеска, что у вас. Вы в журналах, а я просто в своем маленьком бизнесе». И я тогда подумал: «Какая же ты сволочь, Орфей. Ты ему зависть внушаешь. Ты ему показываешь картинку». А я же не показывал картинку. Я просто жил. Или не жил. Я не знаю.

Алиса вытерла слезы тыльной стороной ладони — той, где были чернила от нот.

— Что ты хочешь сделать, Орфей? — спросила она.

Орфей помолчал. Он посмотрел в потолок. Потолок в баре был деревянный, с балками, и на балках висели старые афиши джазовых концертов. Одна афиша была 1998 года, на ней был написан саксофонист, который давно умер. Он умер от сердечного приступа во время концерта, прямо на сцене, и говорят, его последние слова были: «Я сыграл все правильно». Орфей вспомнил эту историю, потому что Гоша часто рассказывал ее своим гостям. И подумал: «Я тоже хочу сыграть все правильно. Но я уже не играю. Я только считаю».

— Я хочу, — сказал он медленно, — я хочу найти таких же. Молодых. Богатых. Успешных. И поговорить с ними. По-настоящему. Не в формате делового форума, не в комнате переговоров. А здесь, как мы сейчас. За пивом, хоть я и пью воду. Я хочу спросить их: «Зачем вам это? Ради чего вы встаете утром? Что вы оставите после себя?» И я хочу услышать их ответы. Может быть, они ответят честно. Может быть, они скажут то же, что сказал тот парень в записке. Может быть, они скажут: «Я не слышу, как дышит скрипка». И тогда я им отвечу.

— А что ты им ответишь? — спросил Сережа Бортников. Он уже не поправлял очки — дужка окончательно отвалилась, и он держал ее в руке, как ненужную вещь, которую жалко выбросить.

Орфей посмотрел на свои руки. Потом на рояль, которого здесь не было, но который он видел в воображении. Он увидел белые клавиши, черные клавиши, они стояли на месте, ровные, как отчетные периоды, как квартальные планы, как графики роста прибыли. И вдруг ему показалось, что если он сейчас закроет глаза и нажмет на воображаемую клавишу, он услышит звук. Не фальшивый. Настоящий. Тот, который жил в нем до того, как он стал бизнесменом.

Он не закрыл глаза. Он открыл их шире и посмотрел на друзей.

— Скажу, что жизнь дана не для того, чтобы считать нули, — сказал он. — А для того, чтобы оставлять след. Не в банковском эквайринге, не в отчетах для налоговой, не в карьерных лестницах. А в душах. Или хотя бы в одном человеке. В одном ребенке, который услышит музыку и поймет, что он не один. Что мир не только из цифр состоит. Что есть еще звук. И свет. И тишина, которая бывает только перед тем, как взять аккорд.

Миша Коган хмыкнул. Он хмыкнул с такой интонацией, которую использует оркестрант, когда дирижер просит сыграть что-то неисполнимое.

— А ты сам-то в это веришь? — спросил Миша. — Ты сам-то, Соловей, веришь в то, что говоришь? Или ты просто устал и хочешь, чтобы кто-то другой устал вместе с тобой, чтобы легче было?

Этот вопрос повис в воздухе. Орфей открыл рот, чтобы ответить, и вдруг понял, что не знает. Он сам не знает, верит ли он в это. Или просто хочет верить. Или ему нужно, чтобы кто-то подтвердил его правоту, потому что одному стоять на сорок третьем этаже и смотреть на пустой рояль слишком страшно. Он хотел, чтобы ему сказали: «Ты прав, Орфей, успех — это пустота». И тогда он бы успокоился. Но если бы ему сказали: «Ты ошибаешься, Орфей, ты просто выгорел, а успех — это хорошо», — он бы тоже успокоился, потому что тогда он бы понял, что просто болен, и пошел бы к врачу, выписал бы таблетки, и все прошло бы. Но никто не говорил ему ни того, ни другого. Друзья молчали. Гоша за стойкой протирает стаканы. Соседний столик обсуждал кредиты. А Орфей сидел и понимал, что не знает, во что верит.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я не знаю, верю ли я. Но я знаю, что не могу больше так. Не могу смотреть на рояль и не играть. Не могу просыпаться в пустой квартире и считать, сколько денег пришло за ночь. Я хочу попробовать. Попробовать найти смысл. Если я его найду — скажу вам. Если не найду — тоже скажу. И тогда вы будете знать, что я ошибался.

Он встал из-за стола. Положил на стойку банковскую карту — черную, безлимитную, премиум-класса, которую дают только тем, у кого на счету больше ста миллионов. Карта лежала на деревянной поверхности, как корочка черного хлеба.

— Я заплачу, — сказал он. — За всех. И слушайте. Я начну завтра. Первая встреча. Я приглашу одного молодого бизнесмена, которого знаю. Он торгует стройматериалами, ему двадцать девять, у него две квартиры, «Порше», и он только что развелся, потому что жена сказала: «Ты приходишь домой только спать». Я его спрошу. Прямо. Без дипломатии. Как в баре.

Он посмотрел на Алису. Она перестала плакать, но глаза были красные, и она смотрела на него с такой надеждой, с какой смотрят на того, кто вот-вот совершит чудо.

— Я тебя поддержу, — сказала Алиса. — Если хочешь, я буду с тобой на этих встречах. Я буду сидеть и молчать. Я не буду говорить о музыке. Только о жизни. Может быть, они услышат.

Орфей хотел сказать «нет». Хотел сказать, что это его дело, его крест, его ошибки, за которые он должен расплачиваться один. Но он посмотрел на Алису — на ее тонкие пальцы, на кулон в форме ноты, на чернила под ногтями — и понял, что отказываться нельзя. Она была той самой нотой, которую он потерял. И если он оттолкнет ее, он потеряет ноту навсегда.

— Хорошо, — сказал он. — Приходи. Только не говори о сольфеджио. А то они подумают, что мы секта.

Сереза засмеялся. Он смеялся громко, как смеются люди, которые вдруг поняли, что все не так страшно. И Миша засмеялся, и Алиса улыбнулась. И Орфей впервые за долгое время улыбнулся. Улыбка была кривой, непривычной, как будто его лицо забыло, как улыбаться, но он улыбнулся.

Он вышел из бара. На улице моросил дождь — мелкий, осенний, хотя был август. Дядя Миша ждал у входа с зонтом, как всегда, терпеливый и верный. Он молча открыл дверцу «Мерседеса», придерживая зонт над головой Орфея.

— Домой? — спросил дядя Миша.

— Нет, — сказал Орфей. Он посмотрел на небо. Серое небо висело над Патриаршими, как крышка старого пианино. — К Покровскому собору. Хочу посмотреть на купола. Говорят, они что-то там слышат. Может, и я услышу.

Дядя Миша пожал плечами. Он не понял ни слова из того, что сказал Орфей, но он был простой человек. Он знал: у богатых свои причуды. Особенно у тех, кого зовут Соловьями, а они молчат. И он повел машину по мокрой Тверской к Покровскому собору, где купола стояли неподвижно, как огромные ноты в нотном стане неба.

А Орфей смотрел в окно и думал о том, что завтра начнется новая жизнь. Он не знал, чем она закончится. Но он знал, что главное — не бояться. Не бояться услышать тишину. Не бояться нажать на клавишу. Даже если руки забыли, как это делается, — надо попробовать. Потому что иначе можно умереть в «Мерседесе», как тот парень с «Лексусом», и оставить после себя только записку: «Я больше не слышу, как дышит скрипка».

Орфей закрыл глаза. В машине играла классическая музыка — дядя Миша включал «Радио Орфей» специально для него. Звучал Шопен. Ноктюрн, кажется, до-минор. Орфей слушал его и чувствовал, как что-то теплое начинает разливаться в груди. Может быть, это была надежда. А может быть, просто кондиционер.

Он открыл глаза и сказал дяде Мише:

— Завтра, дядя Миша, я начну. Я найду их всех. И мы поговорим. Как люди. Без отчетов. Дядя Миша кивнул, не оборачиваясь.

— Я вас отвезу, Орфей Аркадьевич. Куда скажете.

И они поехали дальше — через дождь, через серый город, через тысячи огней, которые горели в окнах офисов, где такие же, как Орфей, сидели и считали цифры, и не слышали, как дышит музыка.

Глава 2. О том, как Орфей Успехов собирал компанию и что из этого вышло

На следующее утро Орфей Успехов проснулся в семь часов, как всегда, но в этот раз он не сидел на итальянском диване из анатомической кожи и не смотрел на белый рояль. Он проснулся в кровати — широкой, ортопедической, с матрасом, который стоил как годовая аренда однокомнатной квартиры в спальном районе, — и первым делом взял телефон. Не для того, чтобы проверить почту или посмотреть курс доллара, как он делал каждое утро последние десять лет. Он взял телефон, чтобы написать одно сообщение.

Сообщение он писал долго. Сначала он написал: «Привет, Максим. Надо встретиться». Потом стер. Потом написал: «Макс, есть серьезный разговор». Стер. Потом написал: «Я хочу

поговорить о смысле жизни». Прочитал, засмеялся сам над собой и стер. Потом он набрал простое: «Встретимся в баре «У Гоши» сегодня в восемь вечера. Я плачу». И отправил.

Максим был тот самый молодой бизнесмен, который торговал стройматериалами. Ему было двадцать девять лет, у него были две квартиры — одна на Патриарших, которую он купил после развода, чтобы жена не могла на нее претендовать, потому что жена, по его словам, «ушла и забрала все, кроме денег», — «Порше Кайен» черного цвета, который он купил в прошлом году после того, как закрыл сделку на пятьдесят миллионов, и сеть из четырех строительных гипермаркетов в Подмоскowie. Орфей знал Максима по деловым форумам, на которых они оба выступали. Максим всегда говорил одно и то же: «Главное в бизнесе — не бояться. Если ты боишься, ты уже проиграл. Надо брать кредиты, расширяться, выжимать поставщиков. Тогда придет успех». Орфей тогда кивал и думал: «Какой же ты дурак, Максим. У тебя нет ни жены, ни детей, ни музыки. Только стройматериалы». Но он не говорил это вслух, потому что на форумах так не принято. На форумах принято говорить о мотивации, о росте, о том, как ты был беден и стал богат. А о пустоте — не принято.

Через десять минут Максим ответил: «Хорошо. Буду. Ты меня удивляешь, Соловей. Ты никогда не пьешь, а зовешь в бар».

Орфей не ответил. Он положил телефон, встал с кровати, пошел на кухню и сварил себе эспрессо. Кофемашина зажужжала так же, как вчера, и Орфей подумал, что все в его жизни жужжит — кофемашина, холодильник, система вентиляции, принтер в офисе, голоса на совещаниях. Только музыка не жужжит. Она или звучит, или молчит. А у него она молчала. И это молчание было громче всех жужжаний.

Он сел за кухонный стол — стол был стеклянный, без единого пятна, потому что уборщица приходила каждый день, — и достал планшет. На планшете он открыл список своих контактов. Там было триста двадцать семь имен. Триста из них были деловые: партнеры, инвесторы, менеджеры, юристы, бухгалтеры, клиенты, поставщики, посредники, консультанты, коучи, которых он нанимал для своих сотрудников, и психологи, которых он нанимал для себя. Остальные двадцать семь — это были друзья, родственники, однокурсники, учителя музыки. Среди них только трое были теми, с кем он мог говорить о музыке: Миша, Сережа и Алиса. Остальные двадцать четыре звонили ему только по праздникам и просили денег в долг. Орфей давал деньги всем. Он не мог отказать, потому что ему казалось: если он откажет, они поймут, что он плохой. А он был хороший. Он всегда был хороший. Он платил налоги, делал пожертвования в детские дома, спонсировал музыкальные конкурсы, которые сам не посещал, потому что не хватало времени. Он был хороший, но пустой, как банка из-под консервов, которую аккуратно вымыли и поставили на полку, но внутри ничего нет.

Он пролистал список до конца и нашел еще одно имя — Артем Вольский. Артем был его ровесником, он владел сетью фитнес-клубов, был женат на модели, имел троих детей и говорил на всех интервью, что «счастье — это когда твои дети смотрят на тебя с гордостью». Орфей вспомнил, как Артем рассказывал на закрытом мероприятии, что его старший сын уже два года не разговаривает с ним, потому что Артем пропустил его выпускной из-за переговоров в Лондоне. «Но ничего, — сказал тогда Артем, — главное, что бизнес растет. Сын поймет». Орфей тогда подумал: «А если не поймет?» Но не спросил.

Орфей написал Артему: «Привет. Хочу поговорить. О важном. Встретимся в баре «У Гоши» завтра в восемь. Приходи один, без команды». Артем ответил через минуту: «Орфей, ты заболел? Ты никогда не зовешь в бары. Ладно, приду. Тем более «У Гоши» рядом с моим офисом».

Орфей отложил планшет. Он подумал, что это похоже на сбор оркестра. Дирижер приглашает музыкантов на первую репетицию. Но вместо скрипок и альтов у него будут бизнесмены с «Порше» и «Мерседесами». И вместо нотной партитуры — их жизни. И вместо увертюры — вопросы, на которые они боятся отвечать.

Он посмотрел на часы. Было девять утра. До восьми вечера оставалось одиннадцать часов. Орфей не знал, чем себя занять. Обычно в это время он уже был в офисе, проводил планёрку, подписывал документы, созванивался с партнерами в Китае, потому что там уже наступал вечер, а у них — утро, и надо было успеть, пока они не ушли спать. Но сегодня он не хотел в офис. Он хотел побыть один. Или с тем, кто понимает.

Он позвонил Алисе. Она ответила с третьего гудка, и в голосе ее была утренняя хрипотца — она спала, потому что вчера проверяла тетради до двух ночи.

— Орфей? — сказала она удивленно. — Ты никогда не звонишь так рано.

— Я хочу приехать к тебе, — сказал Орфей. — Можно?

Алиса помолчала. Потом сказала:

— Приезжай. Я сварю чай. У меня только чай, кофе нет. Ты не против?

— Я за чаем, — сказал Орфей. И он действительно был за чаем. И за тем, чтобы услышать голос, который не жужжит.

Он позвонил дяде Мише, и они поехали на окраину Москвы, где жила Алиса. Дорога заняла сорок минут, потому что пробки на МКАД были утренние, как всегда. Орфей смотрел в окно на машины и думал: «Сколько из этих людей поедут сегодня не на работу, а к тем, кого любят?» Наверное, мало. Потому что все едут на работу. И он тоже всегда ехал на работу. А сегодня он ехал к Алисе. И это было странно, но приятно.

Алиса жила в панельном доме на двадцать втором этаже, без консьержа, с лифтом, который пах мочой и горелым маслом. Лифт поднимался медленно, дергаясь на каждом этаже, как будто тоже сомневался, стоит ли ехать дальше. Орфей не был в таких лифтах уже лет пять. Он привык к своим — бесшумным, зеркальным, с кожаными поручнями. Но этот лифт напомнил ему детство, коммуналку на Пресне, где он жил с дедом, и там был точно такой же лифт — старый, скрипучий, с запахом картошки из соседних квартир.

Алиса открыла дверь. На ней был старый свитер, растянутый на локтях, и джинсы, которые она носила еще в консерватории. Волосы были собраны в небрежный пучок, и в них торчала карандаш — она проверяла тетради до последней минуты. Она улыбнулась, и улыбка была такой же, как вчера, — теплой и грустной одновременно.

— Заходи, — сказала она. — Чай заварила. С мятой. У меня есть печенье, но оно вчерашнее.

Орфей зашел в квартиру. Квартира была маленькая — две комнаты, одна из которых была спальней и одновременно кабинетом, где стояло пианино. Не рояль, а обычное пианино «Украина» — старое, с пожелтевшими клавишами, но оно было живое. На нем лежали ноты, открытые на какой-то сонате. Орфей подошел к пианино и провел пальцем по клавишам. Звук был чуть расстроенным, но настоящим, не как у его белого «Steinway», который стоял мертвым памятником в сорок третьем этаже.

— Садись, — сказала Алиса. — Играй.

— Я не умею, — сказал Орфей.

— Ты врешь, — сказала Алиса. — Ты умеешь. Ты просто забыл, что умеешь. Это другое.

Он сел за пианино. Его руки легли на клавиши. Пальцы были жесткими, неуклюжими, как у человека, который всю жизнь держал в руках не смычок, а степлер. Но он нажал. Он взял аккорд — до-мажорное трезвучие, самое простое, самое первое, с которого начинают все дети, когда садятся за инструмент. И звук пошел. Он был чистым, теплым, слегка дребезжащим от того, что пианино не настраивали лет пять. Но он был живым. И Орфей почувствовал, как что-то внутри него — давно застывшее, зацементированное отчетами и цифрами — начинает таять.

— Я не играл десять лет, — сказал он.

— А сейчас играешь, — сказала Алиса. — Видишь, не умерло. Ты убил, но оно не умерло. Оно ждало.

Орфей сыграл еще несколько аккордов — наугад, не ноты, просто как умел, как помнил. Пальцы постепенно привыкали, входили в память, как старые друзья, которых давно не видел, но они все равно рады встрече. Он сыграл начало «Лунной сонаты» — то самое, которое знает весь мир, — и остановился. Потому что если бы он сыграл дальше, он бы заплакал.

Он встал из-за пианино и сел на табуретку напротив Алисы. Она налила ему чай в кружку с трещинкой — трещинка была на ободке, но кружка была любимая, с надписью «Музыка делает нас людьми». Орфей взял кружку, посмотрел на надпись и подумал: «А музыка действительно делает нас людьми. Или напоминает, что мы люди».

— Сегодня первая встреча, — сказал он. — Я позвал Максима, того самого, со стройматериалами. Он придет в восемь в «У Гоши». А завтра — Артема, с фитнес-клубами. Я хочу сказать им правду.

— Какую правду? — спросила Алиса.

— Ту, которую я понял вчера. Что они несчастны. Что все их деньги — это бумага, которая не греет. Что они бегут по беговой дорожке, и дорожка кончается стеной, а они все бегут, потому что боятся остановиться.

Алиса покачала головой. Она отпила чай и поставила кружку на стол.

— А ты уверен, что они хотят эту правду слушать? Может, они знают, но не хотят признаваться. А ты придешь и скажешь: «Вы несчастны». И они обидятся. Или испугаются. Или начнут доказывать, что они счастливы, и тогда ты будешь выглядеть дураком.

— Я и есть дурак, — сказал Орфей. — Я был дураком десять лет. Я думал, что счастье — это когда у тебя три компании, квартира в «Москва-Сити» и «Мерседес». А теперь я думаю, что счастье — это когда ты просыпаешься и тебе хочется жить. А мне не хочется. Мне хочется только спать. Или играть. Но не жить.

Алиса взяла его за руку. Ее пальцы были тонкими, с розоватыми подушечками — как у всех, кто много играет на фортепиано. Она сжала его ладонь.

— Ты хочешь, чтобы они начали играть, — сказала она. — Но они не умеют. Они как ты десять лет назад. Они не знают, что музыка существует. И когда ты им скажешь, они не поймут. Потому что музыка — это не слова. Это звуки. А слова у них уже были. Им говорили, что успех — это деньги, что хорошая жизнь — это статус, что надо быть первым. Они это слышали. А музыку — нет.

— Тогда я им сыграю, — сказал Орфей. — Я куплю пианино в бар. Или привезу свой рояль. И сыграю им. Не словами, а звуками. Может, тогда поймут.

Алиса засмеялась. Смех был мягким, как пассаж в мажоре.

— Твой рояль в бар не влезет. Гоша твой бар не отдаст. Но я могу прийти. Сяду за их пианино, там есть, старое, еще с советских времен, и сыграю. Если ты считаешь, что это поможет.

Орфей посмотрел на нее. И вдруг понял, что она — единственное светлое пятно в его жизни, которое не требовало от него денег, статуса, времени. Она просто была. Как нота, которая звучит в тишине.

— Приходи, — сказал он. — Сегодня в восемь. Ты будешь моей скрипкой. Или моим фортепиано. Не знаю, что из этого лучше.

— Буду просто Алисой, — сказала она. — И сыграю.

Вечер наступил быстрее, чем Орфей ожидал. Он уехал от Алисы в четыре часа, заехал домой, переоделся в повседневное — джинсы, рубашку, без пиджака, — и в семь тридцать уже стоял у входа в бар «У Гоши». Дядя Миша уехал парковаться, потому что на Патриарших с парковкой было трудно, и сказал, что подождет в машине до двенадцати, если надо.

Орфей вошел в бар. Гоша стоял за стойкой, протирал стаканы той же тряпкой, что и вчера, и кивнул Орфею, как старому знакомому.

— Ты рано, — сказал Гоша. — Твои еще не пришли.

— Я знаю, — сказал Орфей. — Я хочу с тобой поговорить.

Гоша отложил тряпку. Ему было лет шестьдесят, лысый, с седыми усами, и на шее висел серебряный кулон в форме саксофона. Он играл в джаз-банде тридцать лет, пока сердце не начало шалить, и тогда он открыл бар.

— Говори, — сказал Гоша.

— Можно я буду приводить сюда людей? Не для того, чтобы пить. Для того, чтобы говорить. О жизни. О том, что не так.

Гоша посмотрел на него с интересом.

— Ты хочешь здесь психологический кружок открыть? У меня бизнес — я продаю пиво и картошку. Если они не будут пить, я прогорю.

— Они будут пить, — сказал Орфей. — Я заплачу за всех. За пиво, за картошку, за стол. У меня есть деньги. Им много, и я не знаю, куда их девать. Трачу на еду, на машины, на квартиры, а все равно много. Если я буду платить тебе за их пиво, может быть, я потрачу их хоть с каким-то смыслом.

Гоша почесал затылок. Потом усмехнулся.

— Ладно, Соловей. Водь. Только не шуми. И если кто-то начнет буяннить — я их выгоню. У меня бар, а не исповедальня.

Орфей кивнул. Он сел за тот же столик, что и вчера, в углу, откуда было видно всю комнату. Заказал себе воды с лимоном, как всегда. Через десять минут вошел Максим.

Максим был высокий, плечистый, с короткой стрижкой и дорогими часами на запястье — «Ролекс», который светился в темноте, как маленькая луна. Он был одет в кожаные джинсы и футболку с логотипом своей строительной сети. Он увидел Орфея, широко улыбнулся, подошел и хлопнул его по плечу так, что Орфей чуть не уронил стакан с водой.

— Ну что, Соловей? — сказал Максим громко, на весь бар. — Какие дела? Ты редко зовешь. А тут раз — и в бар. Или ты решил напомнить нам, лузерам, как надо жить?

Он сел напротив и заказал себе не пиво, а виски с колой. Двойную порцию. Орфей посмотрел на его руки — они были сильными, с короткими пальцами, пальцами строителя, а не музыканта. На них не было колец, только часы, которые стоили как машина.

— Максим, — сказал Орфей. — Я хочу поговорить о серьезном.

Максим откинулся на спинку стула и ухмыльнулся.

— О чем? О бизнесе? Ты хочешь купить мою сеть? Не продам. Даже за большие деньги.

— Не о бизнесе, — сказал Орфей. — О тебе.

Максим перестал ухмыляться. Он взял виски, отпил большой глоток, поставил стакан на стол.

— Это что, интервью? Ты что, журналистом стал?

— Нет, — сказал Орфей. — Я просто хочу спросить. Ты счастлив?

Максим замер. Он смотрел на Орфея так, как смотрят на человека, который вдруг заговорил на незнакомом языке. Потом он засмеялся — громко, наигранно, как смеются, когда не знают, что ответить.

— Я? Счастлив? Ну, конечно, счастлив. У меня четыре магазина, «Порше», две квартиры. Бабок много. Женщины любят. Ну, только бывшая жена не любит, но это ее проблемы. Я счастлив. А ты что, несчастлив? Тебя кто-то обидел? Мне сказать, чтоб их нашли и навалили?

Орфей покачал головой. Он смотрел Максиму в глаза, не отрываясь. У Максима были молодые, бойкие глаза, но в глубине их что-то было — какая-то серая тень, которую он прятал за виски и громким голосом.

— Я вчера был у друзей, — сказал Орфей. — Из консерватории. Они плохо живут, бедно. Но они счастливы. Потому что они занимаются тем, что любят. А я богат, но я несчастлив. Я хочу спросить тебя: ты тоже несчастлив? Ты просто не хочешь себе в этом признаться?

Максим сжал стакан так, что побелели костяшки пальцев. Он смотрел на Орфея с вызовом, но этот вызов был слабый, как фальшивая нота, которую слышно только если прислушаться.

— Слушай, Успехов, — сказал он, но голос его дрогнул. — Ты пригласил меня выпить, поговорить о делах. А ты тут психотерапию разводишь. Я не твой пациент. У меня все хорошо.

— Тогда ответь на один вопрос, — не отступал Орфей. — Не как бизнесмен, а как человек. Когда ты был маленьким, кем ты хотел стать?

Максим задумался. Виски он больше не пил. Он вертел стакан в руках, смотрел на янтарную жидкость, как будто видел в ней что-то важное.

— Я хотел быть футболистом, — сказал он наконец. — Я в детстве в секцию ходил. У меня даже медаль была, серебряная, за юношеский турнир. Отец сказал: «Это не дело, футбол — это не профессия. Иди в бизнес». И я пошел. Но я до сих пор иногда по ночам просыпаюсь и думаю: а что, если бы я не пошел? Что, если бы я тренировался дальше? Может, я был бы сейчас футболистом. Или тренером. Или просто играл бы во дворе с пацанами. А я — езжу в «Порше» и считаю прибыль.

Он договорил и замолчал. В баре играла музыка — Гоша включил старый джаз, и саксофон пел что-то грустное и тягучее. Максим посмотрел на Орфея с недоумением, как будто сам удивился тому, что сказал.

— Ты понимаешь? — спросил Орфей. — Ты построил то, что не хотел. Ты построил чужую жизнь. Чужую мечту. А свою — забыл. И теперь тебе тридцать, у тебя есть все, но того, что нужно, — нет.

Максим молчал. Он опустил голову, смотрел в стол. Потом поднял глаза — они были влажные, но он не плакал. Он был слишком взрослый для слез. Или слишком напуганный.

— И что делать? — спросил он тихо. — Бросить все к чертям? Пойти играть в футбол? Мне уже не двадцать. Колени болят.

— Я не знаю, — честно сказал Орфей. — Я сам ищу ответ. Я только начал искать. Но я знаю одно: если не искать, то можно умереть, как тот парень с «Лексусом». Ты слышал про него?

Максим кивнул.

— Слышал. Он из моей тусовки. Я с ним несколько раз на форумах пересекался. Он был успешный. Даже больше меня. А повесился. Говорят, записка была какая-то странная. Про скрипку, что ли.

— Про скрипку, — сказал Орфей. — «Я больше не слышу, как дышит скрипка». Он не слышал музыки. И мы не слышим. Мы слышим только деньги, только звон монет, только звук открывающихся кредитных линий. Но не музыку.

В этот момент в бар вошла Алиса. Она была в простом платье, с пучком волос, и в руках держала маленький чехол — в нем была флейта. Она подошла к столику, улыбнулась Максиму и села рядом с Орфеем.

— Это Алиса, — сказал Орфей. — Моя подруга. Она музыкант.

Максим посмотрел на нее настороженно, но улыбнулся в ответ.

— Музыкант, значит. И что, она тоже будет меня спрашивать, счастлив ли я?

— Нет, — сказала Алиса мягко. — Я просто сыграю.

Она подошла к пианино, которое стояло в углу бара, — старое, с облупившейся краской, с двумя струнами, которые отказывались звучать, — и села за него. Она открыла крышку, положила руки на клавиши и начала играть. Она играла «Одинокого пастуха» — мелодию, которую знали все, но которую редко кто мог сыграть так, чтобы она тронула. Она играла простыми аккордами, без вычурности, но в каждом звуке было что-то — тепло, нежность, воспоминание о том, каким мог быть мир, если бы люди перестали считать и начали слушать.

Максим замер. Он сидел неподвижно, глядя на Алису, и в его глазах больше не было вызова. Там была пустота, но другая — та, которая способна наполниться. Он слушал музыку, и его пальцы, которые привыкли к калькулятору и строительному степлеру, начали незаметно постукивать по столу в такт мелодии.

Орфей смотрел на него и понимал: это работает. Не слова. Не лекции. Не психологические вопросы. А музыка. Та самая нота, которую он искал. Она пришла не через него — через Алису, — но она пришла.

Когда Алиса закончила, в баре было тихо. Даже Гоша перестал протирать стаканы. Алиса встала из-за пианино, закрыла крышку и вернулась к столику.

— Ну как? — спросила она тихо.

Максим не ответил. Он достал из кармана телефон, посмотрел на него, потом убрал обратно. Потом он сказал:

— У меня сын есть. Ему пять лет. Он не видел меня уже две недели, потому что я все время в командировках. Я ему обещал, что мы поедем на море. В прошлом году обещал — не поехал. В позапрошлом — тоже. Я думал: сначала заработаю, потом поедем. Но когда это «потом»? Когда я умру?

Орфей молчал. Он смотрел на Максима, и тот казался ему не бизнесменом, не владельцем сетей строительных гипермаркетов, а тем самым мальчиком с серебряной медалью за футбол, который просыпается по ночам и не знает, куда дел свою жизнь.

— Я не знаю ответа, — сказал Орфей. — Но я знаю, что мы можем искать его вместе. Я собираю таких, как мы. Не для того, чтобы жалеть друг друга. Для того, чтобы напоминать — мы не просто бизнесмены. Мы люди. У нас есть душа. И она хочет музыки, а не денег.

Максим кивнул. Потом встал из-за стола и вдруг, неожиданно для самого себя и для всех, подошел к Алисе и сказал:

— Можно я вас обниму? Просто спасибо.

Алиса улыбнулась и обняла его. Максим, здоровый, плечистый, с «Ролексом» на руке, обнимал худенькую учительницу музыки и плакал. Он плакал беззвучно, как плачут взрослые мужчины, которые не привыкли просить помощи.

Орфей смотрел на это и чувствовал, как что-то внутри него — давно окаменевшее, замороженное — начинает оттаивать. Не потому, что он помог Максиму. А потому, что он увидел, как музыка, настоящая музыка, может сделать то, что не могут сделать ни миллионы, ни квартиры, ни «Мерседесы».

Когда Максим успокоился, вытер глаза рукавом и сел обратно, Орфей сказал:

— Завтра я приведу Артема. С фитнес-клубов. Он тоже будет плакать.

— Я готова, — сказала Алиса. — Если надо, я буду каждый день играть. У меня флейта есть. И пианино есть, хоть и старое.

— Тогда давай, — сказал Орфей. — Пусть это будет оркестр. Мы — музыканты. Наши инструменты — наши жизни. И мы будем играть так, чтобы слышать себя. И друг друга.

Максим поднял свой стакан с виски — он уже остыл и разбавился тающим льдом, — и сказал:

— Я буду ходить. Каждый вечер. Хотите, я приведу своих ребят? Там есть один, он автодилер, у него тоже тридцать и тоже хандра. Он вчера жаловался, что не знает, зачем вставать по утрам.

— Приводи, — сказал Орфей. — Чем больше, тем лучше. Мы будем собираться здесь, будем говорить, будем играть. И может быть, найдем то, что ищем.

Они сидели в баре до полуночи. Гоша принес им бесплатного чая и сказал: «Я пока играть не буду, вы сами справляетесь». И они действительно справлялись. Орфей рассказывал про консерваторию, про свои гаммы, про то, как он ушел из музыки, потому что испугался бедности. Максим рассказывал про отца, который заставлял его делать бизнес, и про мать,

которая умерла от рака, когда он был в командировке, и он не успел проститься, потому что надо было закрывать сделку. Алиса сидела и слушала, и иногда играла, но не на пианино, а на флейте — тихо-тихо, как будто сама себе.

И когда Орфей вышел на улицу, дядя Миша уже ждал его у входа. Ночь была теплая, августовская, и звезды — те, которые можно было разглядеть сквозь московскую подсветку — казались чуть ярче, чем вчера.

— Домой, Орфей Аркадьевич? — спросил дядя Миша.

— Нет, — сказал Орфей. — К Алисе. Можно? Я хочу еще сыграть. Пока не забыл как.

Дядя Миша кивнул. Он не спрашивал, зачем. Он просто повез Орфея на окраину, к панельному дому с лифтом, пахнущим горелым маслом. И всю дорогу Орфей сидел молча и думал о том, что, наверное, в этом и есть счастье — не в том, чтобы иметь, а в том, чтобы делать. Не в том, чтобы заработать, а в том, чтобы отдавать. Отдавать музыку, отдавать время, отдавать себя. Тем, кто рядом. Тем, кто тоже потерял ноту, но еще не понял этого.

Он зашел в квартиру Алисы, сел за старое пианино и начал играть. Не «Лунную сонату», а что-то свое, невыученное, то, что рождалось прямо сейчас, прямо под пальцами. И пальцы слушались. Пальцы помнили. И сердце, которое десять лет молчало, заговорило.

Алиса стояла рядом и улыбалась. Она не играла, не мешала. Она просто была — как та нота, которую он искал все эти годы.

И Орфей понял: он нашел ее. Не до конца, не полностью, но он нашел дорогу. И завтра он приведет Артема, а послезавтра — еще кого-то, и они будут играть вместе, и говорить, и искать. Потому что другого выхода нет. Только музыка. И люди, которые ее слышат.

Глава 3. О том, как Орфей Успехов играл для Артема Вольского и что из этого вышло

На следующее утро Орфей Успехов проснулся не в семь часов, как обычно, а в девять. Он проспал. Это было первое событие за последние десять лет, которое он мог бы занести в дневник как нечто необычное. Он всегда просыпался в семь — без будильника, потому что организм привык, — но сегодня он проспал. И когда он открыл глаза, он не испугался, как испугался бы раньше, потому что за два часа, которые он потерял из-за сна, могло случиться что угодно: письма могли накопиться, курсы валют могли упасть, партнеры могли позвонить и не дозвониться. Но он не испугался. Он лежал на ортопедическом матрасе, смотрел в белый потолок, на котором не было ни одной трещины, потому что ремонт в квартире делала дорогая бригада, и думал о вчерашнем вечере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.